

тии. М., 2003. С. 102–108, 141–147; Сироткин В. Кто оборвал Россию? М., 2003. С. 200–213 и др.

²⁶ Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 189.

²⁷ Весьма красноречивым в этом смысле является фрагмент речи Б. Н. Ельцина по центральному телевидению в декабре 1993 г.: «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальное

зависит от нас. Каждый гражданин России, каждая семья получит свободу выбора. Приватизационный ваучер – это для каждого из нас билет в мир свободной экономики». (Цит. по: Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разорбления России. М., 2001.) Подобных лицемерных, насквозь идеологических заявлений представители исполнительной власти рассыпали бесчисленно.

УДК 32.01

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ

Т.Н. Митрохина

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
e-mail: mtm002@rambler.ru

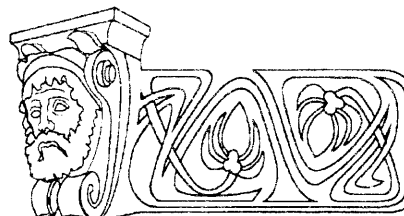
В рамках статьи анализируются лишь некоторые специфические особенности такой интенсивно развиваемой отрасли научного знания как современная сравнительная политология, научное пространство которой охватывается объектом исследования, предметно-тематическим и методологическим векторами одновременно, анализ каждого из которых в отдельности оказывается не специфичен. Вместе взятые они формируют субкультурный анклаву современной политической науки.

Some specific features of comparative study of policy

T.N. Mitrokhina

In the frames of article only specific peculiarities of such intensively developing branch of scientific knowledge as a comparative politics are analysed. Scientific space of comparative politics are outlining by object of research, methodological and objectively thematic directions at the same time. Analysis of each of them in particular is not specific. In a whole they are forming subcultural part of modern political science.

Современная сравнительная политология представляет собой одну из наиболее активно развивающихся отраслей политического знания. О популярности этого направления говорит факт заинтересованности государственных структур самого высокого порядка в проведении сравнительных исследований, что подкрепляется серьезным финансированием этой отрасли знания, однако в основе своей имеющим источники не российского происхождения. Трудно оперировать конкретной информацией относительно сумм, затрачиваемых на осуществление сравнительных исследований зарубежными фондами. Тем не менее можно заметить, что сотрудничество фондов Эберта, Аденуэра, Карнеги, Сороса, Макартуров, Кеннана даже с учеными Саратовского университета весьма ошутимо в последнее десятилетие. Этот факт не может не привлечь к себе внимания и не стимулировать попытку проанализировать причины этого явления, которые, на наш взгляд, коренятся именно в сфере особенностей поли-

тической компаративистики как самостоятельной значимой научной отрасли.

Сравнение как методологический прием изучения политики доказало свою состоятельность, функциональность, продуктивность на протяжении сотен лет своего существования. Применение сравнительного анализа в научных исследованиях сделало возможным усилиями компаративистов выделить политические системы в качестве самостоятельного объекта исследования, осуществить структурирование политических образований по различным сегментам и основаниям, в качестве которых анализировались традиции, институты, индивиды, поведение. Выделены исторические периоды в развитии систем, определены закономерности их функционирования, причины наблюдаемых следствий. Осуществлено ранжирование факторов по уровню влияния на развитие и деградацию политических систем. Это лишь то небольшое, которое можно назвать из того, что удалось осуществить в политической науке благодаря сравнительному анализу.

В результате функционального анализа сравнения выявлена его многоаспектная и значительная роль в процессе развития политической теории. Сам процесс ее формирования инициирован тем, что появилась возможность сравнивать себя и свой образ жизни с иными укладами. Дифференциация общественнознания, долгое время сохранявшегося единым, стала возможна, в том числе, за счет специфики сравнительного метода. Посредством сравнительного анализа совершенствуется понятийный аппарат науки, выявляются закономерности политического функционирования, осуществляется верификация данных. Сравнение перспективно в плане интеграции политического сообщества путем формирования метаязыка и метатеории политической науки. Следствием сравнений является не только развитие политической теории, но и такие глобальные

явления как синхронизация событий в различных регионах мира, глобализация, интернационализация. Посредством сравнений совершенствуется политическая практика.

Поскольку сравнительный анализ представляет собой метаметодологию исследования, широко используемую представителями всех научных направлений, постольку он чрезвычайно многолик. Методологический принцип сравнительности неизбежно сосуществует с разнообразными принципами структурирования объектов сравнения, которые экстраполированы из естествознания. Поэтому политическая компаративистика неизбежно является областью воссоединения двух исследовательских культур: естествознания и обществознания.

Пожалуй, одна из наиболее специфических особенностей политической компаративистики связана с тем, что она выделилась в качестве самостоятельного направления не только благодаря тематике и своеобразию методологических оснований. Научное пространство сравнительной политологии задается спецификой объекта исследования, предметно-тематическим и методологическим векторами одновременно, каждый из которых в отдельности не специфичен. Лишь взятые в совокупности они очерчивают сферу исследования этой отрасли научного знания как самостоятельно значимую.

Несмотря на междисциплинарный характер, а также заимствование основ сравнения из естественных и смежных социально-гуманитарных наук, сравнительному исследованию политики присущ ряд специфических особенностей. В рамках данной статьи мы имеем возможность акцентировать внимание лишь на некоторых наиболее социально значимых из них.

Специфический объект исследования, включенный в сравнительный контекст, навел на мысль о специфическом характере развития политической компаративистики. Для анализа в данном случае оказался замечателен тот факт, что интерес к сравнительным исследованиям то усиливается, то ослабевает, подобно приливам и отливам, что происходит отнюдь не стихийно, а детерминировано и стимулируется факторами внешнего и внутреннего происхождения, научного и политического характера. Идея об импульсивном характере развития политической компаративистики, на наш взгляд, оказалась достаточно продуктивной, поскольку позволила автору выделить периоды усиления интереса к сравнительному изучению политики, а также причины этого явления на каждом из этапов.

Поскольку политическая компаративистика на протяжении длительного периода существования развивалась в рамках единого обществознания, дифференциация которого по отраслям обозначилась лишь в XIX в., имеет смысл именно этот рубеж взять в качестве исходного в развитии политической компаративистики¹. Именно в этот

период политика выделяется и формируется в качестве разветвленной и самостоятельной сферы общественной жизни, что связано с рядом объективных причин, наиболее важными из которых являются распространение широкого избирательного права, становление политических партий как самостоятельных политических институтов, образование новых, многочисленных, политически значимых и самостоятельных организаций.

Одним из значимых факторов, стимулировавших развитие этой отрасли в XIX в. и имеющих научную природу, является накопление большого массива эмпирического знания о политике, требующего теоретического осмысления, т. е. своеобразного «перехода количества в качество». Обществознание XIX в. выделяется в качестве самостоятельного и чрезвычайно значимого периода в развитии политической компаративистики, поскольку именно в этот период оно накопило внушительный объем знаний, в том числе и о политике.

Это настоятельно диктовало необходимость приводить разнообразный эмпирический материал в систему, обобщать, для чего требовался особый методологический инструментарий, поэтому сравнительные исследования этого периода приобретают особое значение. Выражается это не столько в появлении конкретных сравнительных исследований, хотя и это уже значимый факт, сколько в том, и это особенно важно подчеркнуть в контексте нашего исследования, в интересе к теоретическим основам сравнений, выраженном, в первую очередь, в трудах О. Конта, С. Милля, Э. Дюркгейма, М. Вебера.

Значительный рост конкретной эмпирической информации о различных обществах, переросшей национальные границы, не мог не стимулировать развитие сравнительных исследований. Хотя сам по себе рост массива научной информации не позволяет преодолеть национальную «автономию» научных исследований, все же он послужил толчком к сравнительным исследованиям. Необработанная масса эмпирического материала агрессивна в научном плане. Она «не дает покоя», требует структурирования, упорядочения и обобщения, в том числе посредством сравнительного метода, с помощью которого можно перейти от массы конкретного к всеобщему².

Рост внимания к сравнительному методу в обществознании XIX в. отчасти был обусловлен и таким фактором, как существенные успехи естествознания благодаря сравнительному методу. Значение сравнительного метода, например в химии, обозначена Д. Менделеевым. Он писал: «Полагаю, что надежный путь сравнительного изучения, какого я старался держаться, скоро приведет нас к цели...»³. Высоко оценивал значимость сравнительного метода применительно к естественным наукам – анатомии, ботанике, географии, биологии, палеонтологии, физиологии и Ф. Энгельс, отводя сравнительному анализу

роль инструмента обобщения накопленного эмпирического материала в сфере естествознания. Естественнонаучные исследования. «систематически организуемые с середины прошлого века путешествия и экспедиции, более точное изучение европейских колоний во всех частях света живущими там специалистами [...] – все это накопило столько материала, что стало возможным – и в то же время необходимым – применение сравнительного метода»⁴.

Одним из теоретико-методологических трудов на этом поприще явился «Курс позитивной философии» О. Конта, считавшего, что изучение человеческого общества и его различных состояний невозможно без применения сравнительного метода. Затем увидели свет произведения С. Милля, в которых автором проанализированы возможные механизмы проведения сравнений в соответствии с «бэконовскими» индуктивными методами⁵. Исследования О. Конта и С. Милля явились медиаторами в сложном процессе адаптации методологии сравнения, взятой из естествознания, к исследованиям социальных процессов. Пожалуй, подобную роль сыграла и книга «Россия и Европа» Н. Данилевского. Занимаясь естественными науками, владея методологией естествознания, он привносит методологические принципы сравнения естествознания в науку социальную. Сравнительное исследование цивилизаций построено на бинарно-контрастном сравнении европейской и славянской цивилизаций. Методологическим инструментом сравнения являются культурно-исторические типы⁶.

Логический фундамент методологии сравнительного изучения применительно к анализу социально-политической сферы составили работы Э. Дюркгейма⁷, став своеобразным итогом одного из наиболее значительных периодов развития компаративистики и классикой ее теории. В этот период выходят методологические очерки⁸ и сравнительные произведения М. Вебера⁹. Сравнительный метод становится настолько популярным, что немецкий историк А. Харнак замечает по этому поводу: «[...] в течение XIX в. сравнительный метод был рулевым наукой»¹⁰.

Застой или своеобразный реверс в развитии политической компаративистики, судя по характеру и интенсивности публикаций, наблюдается в период 20–40-х гг. XX в., он сменяется значительным ростом интереса к сравнениям. В этот период не менее мощным стимулом развития политической компаративистики, в силу отмеченных ранее особенностей ее исследовательской сферы, оказался фактор не научного, а политического происхождения.

Интерес к сравнительным исследованиям оживился под влиянием требований времени идеологического и политического характера¹¹. Само появление «буржуазного» компаративного анализа оказалось возможным после мощных инъекций, полученных в результате возникнове-

ния и упрочения социализма, с одной стороны, и распространения фашистских режимов, с другой. Факт образования в мире иных форм политической организации, довольно длительное время игнорируемый западными учеными, на определенном этапе становится мощным стимулом развития сравнительных политических исследований.

В 50-е гг. усиливается рост интереса к сравнительному анализу. «Западный мир осознал существование и значение советской системы [...], которую перед последней войной предпочитал рассматривать только как преходящую диковину»¹². Это имело место в ряде отраслей обществознания – языкознании и литературоведении, истории и этнографии, социологии, экономике, правоведении и т.д.¹³, что, порой, определялось даже как «ренессанс сравнительных исследований»¹⁴. На первый план выдвигается противостояние социализма и капитализма. Сравнения этого периода идеологически окрашены и политизированы. Это проявляется как терминологически, так и содержательно. Термин «компаративистика» неизменно используется в сопровождении эпитетов «буржуазная»¹⁵, «догматическая»¹⁶ и определяется как сфера идеологической борьбы социалистической и капиталистической систем¹⁷. Сравнительный метод рассматривается как неотделимая часть диалектико-материалистического метода¹⁸. Основное назначение сравнительных исследований состоит в том, чтобы показать превосходство социалистического лагеря над капиталистическим и наоборот¹⁹.

Начиная с 50-х гг. XX в., интенсивность публикаций, касающихся сравнительного метода, его особенностей, а также области сравнительных исследований правового и экономического характера, заметно возрастает. Оживляются научные дискуссии по проблемам корректности сравнительной методологии. На этом этапе, очевидно, политическая компаративистика получает импульс развития не только и не столько научной, сколько политической природы.

В период противостояния двух мировых систем сравнительные исследования использовались как в благородных целях разрядки международной напряженности, обеспечения мирного сосуществования и сотрудничества, так и как средство демонстрации преимуществ социалистических (капиталистических) систем относительно друг друга.

Исследования объективно отражали, прежде всего, идеологическое противоборство двух систем, в связи с этим целью советской политической компаративистики являлось отрицание всего, что имело отношение к капиталистической идеологии, праву, государству, политике, что, разумеется, осуществлялось с позиций марксистской методологии. На наш взгляд, не вполне справедливо было бы ставить это в вину компаративистам советского

периода, поскольку аналогичную позицию, только с другим знаком занимали западные ученые. В особенности американские компаративисты, преследовавшие также политизированные и идеологически окрашенные цели. Это было объективной реальностью и необходимостью десятилетий «холодного» противостояния.

Нельзя не отметить тот факт, что библиография отечественных исследований по теории и практике политического сравнительного анализа второй половины XX в. в современной литературе зачастую представляется скромно, в отличие от западной, анализируемой гораздо тщательнее. В результате формируется устойчивое мнение, что сравнительное изучение политики в XX в. – это прерогатива прежде всего западной науки.

О причинах такого положения вещей можно только догадываться. С одной стороны, речь может идти о своеобразной «стеснительности» в отношении достижений советского периода. Да, нужно согласиться, что исследования были политизированы и конъюнктурны, осуществлялись на потребу дня. Оправданием этому может служить факт, что и оппонентами советской системы исследования проводились в том же ключе.

Порой зарубежные обществоведы выше оценивают достижения ученых советской школы, нежели отечественные. Так, например, британский политолог А. Браун полагает, что советские ученые были включены в реальный политический процесс в гораздо большей степени, чем большинство их коллег на Западе. В эти годы советские ученые, пишущие по вопросам политики, жестко контролировались властью. Однако лучшие из них писали книги и статьи, обладающие внутренней интеллектуальной значимостью²⁰.

С другой стороны, отсутствие адекватной рефлексии в отношении работ советского периода и некоторых более поздних отчасти можно объяснить практикой взаимного пренебрежения, которая в социальных науках, пожалуй, стала закономерной. Французский компаративист М. Доган приводит в качестве примера ряд исторических фактов. Так, в работах М. Вебера отсутствуют ссылки на его современника Э. Дюркгейма, равно как и наоборот, в то время как предмет научного интереса у них был один и тот же. В. Парето выступал с критикой работ Э. Дюркгейма, никогда не ссылаясь на него. Автором приводятся и другие примеры²¹.

В итоге ситуация такова, что гораздо большее внимание уделяется анализу зарубежной компаративистики. Несомненно, такая позиция имеет и объективные причины. Поскольку первые исследовательские центры, кафедры политических наук впервые создавались за рубежом, институционализация политической компаративистики как особого вида научного творчества была осуществлена западными учеными, явившись реакцией на социально-политические потребности и вызовы именно Запада. Этим фактом отчасти

можно оправдать приоритеты, отдаваемые западным школам компаративистики. Однако, по нашему взгляду, нельзя недооценивать компаративистику советского периода, имевшую ряд специфических черт, но обладавшую самостоятельной научной значимостью.

Очередной импульс развития сравнительная политология получила в результате мощных системных трансформаций 80–90-х гг. XX в. как в социалистических системах, так и в других странах мира, причем эти трансформации были не менее грандиозны, чем в 1940–50-е гг. Так называемое продвижение по пути к демократии на долгие годы стало объектом многочисленных сравнительных исследований в области политики. Мощный импульс сравнительным исследованиям на этом этапе придала деятельность правительств ряда зарубежных стран, выраженная, в первую очередь, в щедро оплачиваемом интересе к изучению политических трансформаций в различных регионах мира.

Эта волна возродила интерес к политической компаративистике и в среде российских исследователей. В этот период значительно упростился доступ к зарубежной литературе, поскольку открылся «железный занавес». Российским ученым была предоставлена возможность знакомиться с исследованиями и достижениями зарубежных коллег, получать информацию о политических процессах других государств. Введение в учебные планы высших и средних учебных заведений дисциплин, в рамках которых изучалась политика как самостоятельная сфера общественной жизни, также стимулировало интерес к сравнительным исследованиям.

На развитие политической компаративистики значительное влияние оказали факторы внешнего порядка, а именно интеграционные процессы, процессы глобализации, протекающие во всех сферах общественной жизни – культурной, экономической, политической, экологической. Мощным стимулом сравнений явились колоссальные различия в уровнях жизни населения отдельных стран и регионов.

Движущей силой развития сравнительных исследований, по образному выражению норвежского профессора Э. Ойена, в ряде «туземных стран» стало и возникновение коммерческих организаций, финансирующих межгосударственные исследовательские программы. Ученые развивающихся стран поставляли своим «просвещенным» коллегам не приведенные в систему данные для анализа и обработки в ином контексте, с целью совершенствования управленческих методов в своей стране. Посредством привлечения аспирантов, не обремененных научными концепциями и исследовательскими стратегиями, рассылаемая по всему миру, осуществляется «беспорядочная ловля фактов»²².

В числе «туземных стран», по всей видимости, оказалась и Россия. Финансирование полити-

ческих исследований различными зарубежными фондами преследовало цель, в числе многих прочих, собрать совсем необработанную или слабо обработанную теоретически информацию. С этой точки зрения наиболее полезными оказались молодые ученые, не имеющие собственных идеологических и политических взглядов, поставившие разнообразное «сырье»²³, что способствовало и способствует развитию сравнительных исследований, но только за рубежом.

Одним из факторов внутреннего порядка, стимулирующих (или не стимулирующих) развитие сравнительных исследований политики, является степень заинтересованности правительства в изучении политической практики других стран, в совершенствовании своей политики посредством изучения чужого опыта. Это легко определяется направленностью и объемом финансирования как прикладных, так и фундаментальных сравнительных исследований. В свою очередь, это зависит от типа политического режима, функционирующего в стране: открытого, закрытого, демократического, авторитарного, включающего, исключаящего и т.д. Определяется это и тем, насколько правительство и администрация могут и хотят эффективно использовать в своей практике информационные и аналитические ресурсы общественных наук.

Факт хорошо известен, что нередко российский чиновник не считает необходимым сотрудничество с представителями науки вообще, полагая, что теория и практика это различные и мало соприкасающиеся, а порой – конфликтующие сферы деятельности. К сожалению, и государственное финансирование научных исследований в России не слишком стимулирует развитие сравнительного изучения политики.

Таким образом, интерес к получению знаний сравнительного характера носит не ровный и постоянный, а импульсивный характер. Поскольку импульсы развития политической компаративистики, зачастую, политически окрашены, результаты сравнительного анализа могут быть существенно идеологизированы и политизированы, что необходимо принимать во внимание. На эмпирическом уровне результат сравнительного исследования может зависеть от того, кто оплачивает проведение исследования. На теоретическом уровне сравнения могут осуществляться в конъюнктурном ключе, определяемом госзаказом или спецзаказом.

Примеры «заказных» исследований довольно многочисленны. Обратимся к ставшему уже классическим концепту «культуры гражданственности»²⁴. Очевидно, сравнительное исследование, во многом благодаря его специфическому объекту, может выполнять не только и не столько научные функции. Так, например, исследование «гражданской культуры» строилось на гиперболизации преимуществ американского образа жизни на превосходстве и исключительности исторической миссии западного мира и, в первую очередь, США

по отношению к социалистическим и развивающимся странам. Следовательно, имело выраженную пропагандистскую и антисоциалистическую направленность. Модель «культуры гражданственности» являлась лишь составной частью стратегии формирования модели «уникального американского политического образа жизни»²⁵. Уникальности противостоят примитивизм, тоталитарность, неразвитость и несовершенство Германии, Италии, Мексики и других культур, в том числе и российской. «Гражданская культура» не только выполнила функцию методологического инструмента сравнения, но и оказалась инструментом идеологической борьбы. Казалось бы, сравнительное исследование времен «холодного» противостояния и не может быть другим.

Однако современная политическая компаративистика, как уже говорилось, представленная западными исследованиями, ничуть не менее идеологизирована и политизирована. Коренное отличие современной ситуации от ситуации времен «холодного» противостояния можно выразить метафорой «игра в одни ворота». Поскольку российские ученые, как впрочем, и политики, добровольно сдали свои позиции в сфере политического противостояния и признали свое поражение, настолько вот уже на протяжении ряда лет мы наблюдаем исследования, выполненные под значительным патронажем и влиянием западной компаративистики, осуществленные в русле встраивания в мировую политическую науку.

Более того, в России переводятся на русский язык и издаются значительными тиражами труды зарубежных ученых. Сам по себе этот факт позитивен, если бы не одно обстоятельство. Осуществляя анализ политической ситуации в мире, авторы этих произведений отводят недвусмысленную и незавидную роль современной России.

Так, например, З. Бжезинский, анализируя причины краха СССР как империи, отмечает ряд причин. Главными факторами успеха США и их сторонников были, с его точки зрения, политическая жизнеспособность, идеологическая гибкость, динамичность экономики, военная мощь и богатство, привлекательность культурных ценностей. СССР вызывал презрение со стороны большинства своих вассалов в культурном плане, был догматичным, косным и ортодоксальным, экономически неконкурентоспособным, в том числе и в области научных технологий. Разумеется ситуация противопоставляется культурной атмосфере в американской коалиции, где Америка воспринималась как общество, заслуживающее восхищения и достойное подражания²⁶. Вследствие этих событий США стали единственной действительной мировой державой современности. Эту мысль автор развивает в другой монографии, сопровождая свои рассуждения и «практическими рекомендациями» в отношении современной России²⁷.

Не менее политически окрашены работы других американских компаративистов, в которых

недвусмысленно определяется роль современной России. Так, например, С. Хантингтон не считает реальным фактором современного мирового процесса возрождение русской цивилизации²⁸. Пользуясь понятием «мир-система» и разделяя ее на центр, полупериферию и периферию И. Валлерстайн относит современную Россию в этой системе даже не полупериферийное положение, а смещает ее ближе к периферии. В современной мир-системе борьбу за лидерство ведут между собой лишь США, Европейский Союз и Восточная Азия²⁹.

Очевидно, ученые, имеющие высочайший авторитет в научном мире, формулируют теоретически и практически значимые концепты мирового устройства и перспектив развития далеко не в пользу России, оспаривать которые, как, впрочем, и верифицировать их достаточно сложно. Порой эпатажные, порой метафоричные и ярко образные концепты такие, как «черная дыра», «столкновение цивилизаций», «великая шахматная доска», «волны демократизации» вызывают бурный интерес, дискуссии, доступны для понимания широкого круга читателей, в результате чего активно воздействуют на сознание и формируют определенным образом организованное общественное мнение, выполняют функции инструментов идеологического воздействия.

Это явление не может не оцениваться на двух уровнях восприятия: с одной стороны, научном, а с другой, эмоционально окрашенном и чисто человеческом уровнях анализа. Прагматичный взгляд на это явление приводит к мысли еще об одной особенности сравнительного изучения политики, состоящей в том, что исследования этой сферы вряд ли могут быть сущностно объективны. Они неизбежно имеют субъективную окрашенность, поскольку лица, осуществляющие сравнение, практически всегда имеют выраженную позицию в отношении собственной политической системы, что играет немаловажную роль в процессе исследования и оказывает влияние на его результаты.

Еще Н. Данилевский писал о том, что национальность довольно ощутимо сказывается в развитии наук вообще, а более всего она сказывается в развитии наук общественных, основанных на изучении явлений общественного быта, где наиболее резко выражаются национальные особенности³⁰. Современный американский компаративист Р. Чилкот признает, что главным недостатком сравнительной политологии является стремление ученых преподнести политическую систему США в этноцентрическом духе³¹, питаемом иллюзиями в отношении американской демократии, всеобщего изобилия и неограниченных возможностей, совершенной модели общественного устройства и национальной идеологией американской исключительности.

Более оптимистично на проблему соотношения этноцентричности и политической компаративистики смотрят французские компаративисты. Они

полагают, что, разумеется, исследователь вольно или невольно является носителем определенного набора культурных стереотипов, традиций, ориентаций, что в большой степени детерминирует, направляет, если не сказать идеологизирует, научную деятельность, однако именно сравнение представляет собой важное средство освобождения от этноцентрических «завихрений».

Таковы же позиции американки Д. Бари, немецкого компаративиста Т. Шидера, архитектора французской компаративистики М. Дюверже, венгра И. Сабо, работы которого были опубликованы до распада СССР. Американский ученый, отмечая значительную роль сравнительного изучения в процессе познавательной деятельности, пишет о культурной обусловленности результатов исследования, проведенного в пределах одной страны. Сравнительный же анализ позволяет посмотреть на проблему поверх узких рамок отдельной культуры, лучше осознать специфику, уникальность или заурядность политических явлений³².

По мнению Т. Шидера, даже когда ученый располагает необходимым количеством достоверных источников, то и в этом случае он сталкивается с воздействием на ход мышления некоторого иного фактора, аналогично тому как «скульптор, реставрирующий старый торс, руководствуется аналогиями, почерпнутыми из его опыта, так и мы воспроизводим природу явлений, основываясь на нашем более широком опыте»³³. Рост популярности сравнительных исследований автор объясняет тем, что этноцентричность вызывает упреки, поскольку изучая только свою страну, невозможно выявить в ней своеобразие³⁴.

Необходимость освобождаться с помощью сравнений от синдрома «англосаксонского гения», представляющего собой одно из проявлений этноцентризма, отмечалась французским социологом³⁵. Венгерский же компаративист не без иронии отмечая, что англичане считают основателем компаративистики Ф. Бэкона, французы ведут счет от Ш. Монтескье, а немцы от К. Лейбница, заключил, что освобождение от национальных предубеждений является одним из условий развития компаративистики³⁶.

Однако на этот счет имеются и менее оптимистичные и жизнеутверждающие точки зрения. Некоторые весьма влиятельные ученые полагая, что явление культурной обусловленности результатов исследования социума неизбежно, категорически высказываются вообще против продуктивности сравнительных исследований в силу «сильнейшей плотности очевидной и явной специфики» различных обществ³⁷. И. Валлерстайн недвусмысленно высказывается в пользу того, что центризм в политической науке в различных своих проявлениях – зло неизбежное и неискоренимое, поскольку эта сфера – это зона культурных и интеллектуальных войн, адекватно рефлексирующая глубину действительных социальных расколов³⁸.

На эмоциональном уровне, по-человечески хочется наивно верить, что ярко выраженный центризм концептов, будь то евро-, американо-, андро-, этно- или какая-либо другая разновидность центричности это не «со зла». В то же время очевидно, что это не может иметь места и «по недомыслию».

По тем или иным причинам плотность потока негативной и политически окрашенной информации «из-за кордона» не стала меньше. В обратном же направлении поток практически иссяк, если не считать того, что в российской политической компаративистике красочно анализируется западная компаративистика и уж совсем «расцветена во все цвета радуги» американская сравнительная политология. Разумеется, нельзя не признать, что существует благодатная питательная среда для производства идеологизированных концептов. Сама российская политическая практика является хорошим стимулом зарождения столь нелицеприятных концептов. Так или иначе, но «за державу обидно».

В целом, развиваясь в русле мировых тенденций, отечественная политическая компаративистика имеет те же особенности, что и любая другая. Однако она чуть более вторична, поскольку имеет место двойная экстраполяция знания, вследствие чего пересыщена англоязычными терминами, калькированными с английского аналога, а это представляет самостоятельную проблему данного научного направления. Поскольку значительны масштабы коммерциализации политической науки – частные структуры финансируют деятельность прикладного характера, в то время как в теоретических исследованиях мало кто заинтересован, – постольку имеется диспропорция в ее развитии.

Полагаем, нелишне будет еще раз подчеркнуть, что организация сравнительного изучения политики как в теоретическом, так и практическом ракурсах требует достойного финансирования научных исследований, в первую очередь, со стороны государства – научным исследованиям всегда требовалась государственная финансовая поддержка. По характеру финансирования не сложно определить приоритеты правительства в отношении той или иной отрасли знания, а также уровень заинтересованности в совершенствовании системы политического управления государством, с учетом и на основе научного осмысления позитивного опыта других стран. Слабая востребованность отечественной практической политикой результатов научных исследований в области политической компаративистики также не лучшим образом сказывается на ее состоянии.

Примечания

¹ Разумеется, отдельные научно значимые работы в области сравнительного изучения политики появлялись и много раньше. Однако целенаправленный интерес к теории сравнительного изучения политики в обще-

ствознании явно обозначился лишь в этот период.

- ² См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории*. М., 1977.
- ³ Менделеев Д.И. Периодический закон химических элементов. М., 1934. С.81.
- ⁴ См.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 353; *Он же.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4.
- ⁵ См.: *Милль С.* Система логики силлогической и индуктивной. М., 1899.
- ⁶ См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 1990.
- ⁷ См.: *Дюркгейм Э.* Метод социологии. М., 1991.
- ⁸ См.: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Избранные произведения*. М., 1990; *Он же.* Основные социологические понятия // Там же.
- ⁹ См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения*. М., 1990; *Он же.* Хозяйственная этика мировых религий // *Избранное*. Образ общества. М., 1994.
- ¹⁰ Цит. по: *Мелконян Э.Л.* Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981. С. 22.
- ¹¹ См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 143 – 145.
- ¹² См.: *Тилле А.А.* Социалистическое сравнительное право. М., 1975. С. 38.
- ¹³ См.: *Мелконян Э.Л.* Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981.
- ¹⁴ См.: *Боруца-Арцтова М.* Методологические проблемы сравнительных исследований в правовых и иных общественных науках // *Сравнительное право*. М., 1987. С. 127.
- ¹⁵ См.: *Ольсевич Ю.* «Компаративный анализ» экономических систем и развитой социализм // *Вопросы экономики*. 1981. №8.
- ¹⁶ См.: *Сравнительное право*: Сб. ст. М., 1978.
- ¹⁷ См.: *Ананьин О.И., Гайдар Е.Т.* Сравнительный метод и его использование в исследовании хозяйственных механизмов // *Сравнительный анализ хозяйственных механизмов социалистических стран*: Сб. тр. Вып.15. М., 1984.
- ¹⁸ См.: *Тилле А.А.* Социалистическое сравнительное право. М., 1975. С.25.
- ¹⁹ См.: *Масленников М.М.* Методологическое значение сравнения в научном познании. Воронеж, 1968. С.43, 56.
- ²⁰ См.: *Браун А.* Политическая наука в СССР. Новый этап развития? // *Отечественная политология: Итоги XX века*: Сб. науч. тр. М., 2001. С.56–57.
- ²¹ См.: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // *Политическая наука: новые направления* / Под ред. Г. Гудина и Х.Д. Клигемана. М., 1999. С.120.
- ²² См.: *Ойен В.* В чем несовершенство метода? // *Сравнительная социология: Избранные переводы*. М., 1995.
- ²³ См.: *Богачуров А.* Десять лет парадигмы освоения // *Pro et Contra*. Т. 5. №1. Зима 2000. С. 198. Уместно

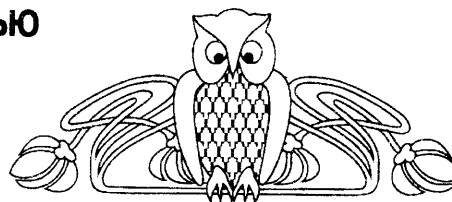
- напомнить для сравнения, что в области естествознания и точных наук представляла больший интерес и финансово стимулировалась не столько деятельность молодых исследователей, сколько маститых ученых.
- ²⁴ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // *Политика*. 1992. №4.
- ²⁵ См.: Федосеев А.А. Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. Л., 1989. С. 151.
- ²⁶ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С.16–20.
- ²⁷ См.: Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005.
- ²⁸ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ²⁹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- ³⁰ См.: Данилевский Н. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 1990. (1868). С. 133–171.
- ³¹ См.: Чикот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. С. 37, 39.
- ³² См.: Бары Д.И. Новейшие тенденции практики сравнительных исследований // *Политология. Методы исследования*. М., 1997. С.329–332.
- ³³ См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории*. М., 1977. С.149.
- ³⁴ См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории*. М., 1977. С.143.
- ³⁵ См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 278.
- ³⁶ См.: Сабо И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения // *Сравнительное правоведение*. М., 1978. С. 54.
- ³⁷ Abdel-Malek. Civilisations and Social Theory. L., 1981. P. 171–172.
- ³⁸ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С.214.

УДК 329 (470+571)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ СВЕТСКОСТЬЮ И РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ

В.С. Слободникова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: fgsn@info.sgu.ru

В статье показана важность религиозности в современной России как светском государстве, даётся авторское объяснение актуальности этого явления. Рассматривается учет и использование религиозного фактора в современном партийном строительстве страны. Проанализировано отношение к религии и верующим ведущих политических партий. С этой точки зрения изучены их программные документы. Особое внимание уделено политическим партиям, которые используют религиозные идеи в программах и при формировании партийной идеологии.

Political groups of modern Russia: between community and religiosity

V.S. Slobodnikova

The paper shows the importance of religiosity in modern Russia Federation as a secular state, the author's explanation of the vitality of this phenomenon is proposed. Due regard to the religious factor and its usage in party building in the state are considered. The leading political parties attitude to religion and the believers is analyzed.

По Конституции 1993 г. Российская Федерация – светское государство. Однако до новых правил регистрации (перерегистрации) политических партий 2002 г. в России существовали партии, в названии которых указывалась религиозная принадлежность, а в программных документах некоторых из них религиозная составляющая занимала довольно существенное место, несмотря

на обязательное указание светского характера партии.

Например, Национально-республиканская партия России заявила себя как светская партия, но можно рассматривать ее программу с точки зрения религиозной составляющей. В программе 1992 г. записано, что НРПР признает материалистическое мироощущение, а также исповедание традиционных православных или ведических религиозных воззрений частным и добровольным делом каждого российского гражданина. Вместе с тем национал-республиканцы считают своим долгом решительно прекратить распространение в России изуверских и агрессивных нетрадиционных сект (хлыстовщина, кришнаитство, сатанизм и т. п.). Они отрицают деление русских людей по классовым, территориальным или вероисповедальным признакам.

В то же время в VII разделе программы партии «Вероисповедание и свобода совести» читаем следующее. Первый параграф этого раздела гласит: «НРПР считает религию стержнем и существенной стороной народной жизни. ... на протяжении веков большинство российских народов исповедовали Православие, что во многом определило их духовно-психологические особенности, характер культуры и повседневной жизни. Поэтому одна из важнейших задач НРПР